

УДК 72.01

М.М. Звягинцева, канд. культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: m_zvjagintseva@front.ru)

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Утопия является одним из наиболее устойчивых архетипических понятий культуры, поскольку отражает желание человечества усовершенствовать данный мир, ввести более справедливый социальный порядок, вернуться в потерянный рай. Идея «царства всеобщего благоденствия» присутствует в мифологиях и религиях разных народов задолго до появления самого термина «утопия». Утопические представления наиболее характерны для европейской культуры в силу ее экстравертности и стремления к поиску рациональных основ бытия.

Утопия демонстрирует набор характерных именно для неё черт: всеобщность; пространственная изолированность; вневременность (отсутствие исторического времени); автаркия (самоудовлетворенность, состоящая из независимости от внешнего мира, в т.ч. и от др. людей); урбанизм; регламентация; глобальность.

С XVI-XVII вв. образ идеального социума обретает форму города, расположенного на острове. Поскольку именно город чаще всего является идеальным для преобразования пространством, архитектурной утопии отведена особая роль: воплотить утопию социальную.

Градостроительное выражение идей Т. Мора представляло большой интерес для современников. За ним последовало множество проектов «идеальных» городов, разработанных архитекторами итальянского Возрождения. XVIII век ознаменовался философией социалистов-утопистов, часть из которых считала основой будущего развития промышленной цивилизации мегаполисы, другие – сеть небольших самостоятельных общин.

В России первые литературные утопии появились в XVIII веке. Они следовали традициям западно-европейских предшественников, сохраняя все черты классической утопии и наделяя ее национальным колоритом. Все они рисуют идеальное с точки зрения их авторов общество будущего, воплощением которого часто становятся новые города.

Российские архитектурные утопии тесным образом связаны с социальными процессами, обусловившими развитие европейской культуры в целом. Расцвет отечественной утопической архитектуры приходится на постреволюционное время, когда архитекторы получили возможность осуществить свои самые смелые идеи.

Ключевые слова: утопия, утопическая архитектура, «бумажная архитектура».

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-4-32-38

Ссылка для цитирования: Звягинцева М.М. Утопические идеи в русской архитектуре: культурологический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 4(73). С. 32-38.

Утопия – один из наиболее стойких архетипических элементов культуры. Корни утопии, по-видимому, располагаются в глубинных слоях человеческой психики, связанных с такими понятиями, как креативность, творчество, воображение. Само формирование утопических идей свидетельствует о процессах анализа, осознания и рефлексии общественных явлений, возможностях проектного мышления и ориентации на деятельность по переустройству мира.

В статье «Роль коллективного бессознательного в истории» Ю.М. Антонян

отмечает: «Хранителями коллективных архетипических образов выступают мифологии, в том числе религиозные и политические, традиции, обычаи, произведения искусства, литература разного рода, символы. Повторение образов, точнее – их реализация, происходит в, казалось бы, совершенно новых социальных условиях, но чаще всего это лишь видимость новизны. На самом деле условия идентичны тем, которые уже много веков назад и не один раз уже вызывали к жизни такие образы. И они действовали. Нередко подобными условиями становились

различные кризисные состояния общества, требующие судьбоносных решений» [1, с.110].

Утопические представления присутствуют во всех культурах, от самых древних до существующих сегодня. Стремление к идеальности в различных сферах человеческого бытия, пересотворению мира на более справедливых основаниях отражает вековую мечту о возвращении в потерянный рай. Идея «царства всеобщего благоденствия» присутствует в мифологиях и религиях разных народов задолго до появления самого термина «утопия». При этом идея утопии всегда связана с определенным хронотопом: чаще всего это представления о «золотом веке», когда люди были счастливы, отношения – красивы и благородны, не существовало болезней и войн и т.п., или о каких-либо территориях (например «островах блаженных»), где и в настоящий момент жизнь протекает по совершенно другим, «идеальным», космическим законам. Эти благословенные территории отделены от мира людей горами, океанами, морями и реками; само местонахождение этих земель таинственно и неопределенно, поэтому достичь их представляется практически невозможным для обычного человека.

В работе «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» Е. Трубецкой пишет: «Препятствия, отделяющие человека от предмета его искания, преодолеваются либо силой, либо мудростью. Соответственно с этим среди ищущих «иног царства» выделяются в особенности два типа – богатыри и вещи» [2, с.115]. С этой точки зрения интересно различие мифологических представлений: если античные «блаженные» страны в основном заселены героями (богатырями), то восточные (к примеру, индийские) – мудрецами (вещими).

Подобные мотивы можно обнаружить в мифологии Древнего Китая и Индии, у австралийских аборигенов и индейцев Мезоамерики, в сочинениях греческих и римских философов, у скандинавов и славян и др. Утопические идеи древности объединяет некая расплывчатость и неконкретность, связанная, по видимому, с тем, что «благословенная страна» ассоциируется с представлениями о загробном мире, имеющими мистически-сакральный характер.

С XVI-XVII вв. образ идеального социума чаще всего обретает форму города, расположенного на острове. Сам термин обязан своим возникновением названию книги Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516). Утопия демонстрирует (по Ф. Аинса [3, с.23]) набор характерных именно для неё черт: всеобщность; пространственная изолированность; вневременность (отсутствие исторического времени); автаркия (от греч. *autarkeia* – самоудовлетворенность, состояние независимости от внешнего мира, в т.ч. и от др. людей); урбанизм; регламентация; глобальность.

Градостроительное выражение идей Т. Мора представляло большой интерес для современников. За ним последовало множество проектов «идеальных» городов, разработанных архитекторами итальянского Возрождения. По словам В.В. Алексашиной, «именно в эту эпоху идеальный город из плоскости мифотворчества перешел в область реального градостроительства» [4]. И хотя идеальные города Ренессанса не обрели материального воплощения (за исключением некоторых небольших городов-крепостей), градостроительные принципы, разработанные архитекторами Возрождения,

внесли большой вклад в теорию и практику урбанистики.

XVIII век ознаменовался философией социалистов-утопистов, часть из которых считала основой будущего развития промышленной цивилизации мегаполисы (К.-А. Сен-Симон, его последователь XIX века Э. Кабе), другие – сеть небольших самостоятельных общин (Ш. Фурье, Р. Оуэн). Предложенный Ш. Фурье и детально разработанный инженером В. Консидераном принцип многофункционального дома-комплекса (фаланстер) неоднократно реализовывался на протяжении последующих двух столетий, в том числе и в советской России.

Можно констатировать, что утопия литературная (художественная, политическая, социально-экономическая и пр.) предшествовала утопии архитектурной. В частности, говоря об отечественной архитектуре начала XX века, В.Э. Хазанова отмечает: «Концепции расселения 20-30-х годов впервые были выдвинуты не архитекторами, а философами, социологами, экономистами, были поддержаны государственными и общественными деятелями, литераторами, учеными. Все они воспитаны и идеями русского социального утопизма, от которого старших из них отделяло всего лишь два-три десятилетия» [5, с.7].

На протяжении многих веков делались попытки воплотить в реальность утопические концепции, созданные преобразующим действительность человеческим гением.

А.В. Иконников отмечает, что «архитектурная утопия как вид специализированной утопии разделяется на два «подвида»: 1) проекцию идеалов социальной утопии на модели пространственной организации среды жизнедеятельности социума; 2) отражение принципов утопического сознания и связанных с ним идей в

способе формирования произведения архитектуры (как на уровне проектного замысла, так и на уровне реализации). Такая двойственность, распространяющаяся на градостроительство и дизайн, связана с положением этих видов деятельности в системе культуры – на границе материальной и духовной культур, что определяет их участие в формировании как функционально-конструктивных, так и символических структур [6, с.8].

В России первые литературные утопии появились в XVIII веке. Они следовали традициям западноевропейских предшественников, сохраняя все черты классической утопии и наделяя ее национальным колоритом. Можно вспомнить «Путешествие в землю Офирскую» князя М.М. Щербатова (1783-1784), написанные в форме сна утопии «Счастливое общество» А.В. Сумарокова (1759), «Сон» А.Д. Улыбышева (1819), роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1862-1863) и др.

Все они рисуют идеальное, с точки зрения их авторов, общество будущего, воплощением которого часто становятся новые города. В частности, герой «Сна» А.Д. Улыбышева, засыпая, видит Петербург будущего: светлый, прекрасный город, наполненный красивыми общественными зданиями: школами, библиотеками, академиями. В Михайловском замке заседает Общественное собрание, а в Аничковом дворце, ставшем «Русским пантеоном», выставляются статуи видных общественных деятелей страны и героев [7, с.87-91].

Сатирически переосмысленная утопия стала основой романа «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Город Глупов с его обитателями и градона начальниками – воплощение идеи принудительного «всеобщего равенства» и «прогресса», символическим выражением

которого становится мрачный зловещий Угрюм-Бурчеев. Реализация утопии привела к своей полной противоположности.

Наиболее ярким представителем русской утопической архитектуры XVIII века можно считать Василия Ивановича Баженова. В 1767 году по приказу императрицы Екатерины Великой Баженов приступил к работе над проектом реконструкции Московского Кремля, многие сооружения которого к тому времени обветшали или пришли в негодность.

Идея, положенная Баженовым в основу замысла, гласила: Кремль – центр Москвы, Москва – сердце России. Кремль в своем общественно-политическом значении соответствовал афинскому Акрополю, на который должен походить и в художественном выражении. Колоссальный новый Кремлевский дворец должен был стать воплощением славы русского народа, выражением мощи и силы страны. Старый Московский Кремль, по мнению архитектора, не соответствовал величию России как созданной Петром I мировой державы.

Глобальная перепланировка Кремля, задуманная Баженовым, предполагала снос большинства нерационально расположенных башен, монастырей и дворцов. Некоторые подлежащие сохранению древнерусские сооружения «прятались» за новые улицы и помещения, скрывались во дворах. Кривые улочки Кремля должны были заменить геометрически выверенные оси проспектов, завершающиеся площадями, что как нельзя лучше соответствовало классицизму того времени. Кремлевский Дворец должен был стать не большим зданием в городе, но центральной частью города, что являлось новым словом в архитектуре не только отечественной, но и западноевропейской.

Проект был утвержден, но его воплощению в реальность помешала эпи-

демия чумы, разразившаяся в Москве весной 1771 года. Возможно, главную роль в отмене постройки сыграла баснословная стоимость проекта. Кроме того, по свидетельству некоторых современников, новая архитектура не очень соответствовала самому духу исторических сооружений Московского Кремля и не вписывалась в его атмосферу. Однако деревянная модель Большого Кремлевского дворца, выставленная сегодня в Музее Архитектуры, в полной мере позволяет оценить масштабы замыслов великого русского архитектора.

Многие проекты Баженова не были реализованы, однако его градостроительные идеи оказали большое влияние на последующую застройку уже новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга.

Ускоренное научно-техническое развитие и промышленная революция XIX века поставили перед архитекторами новые проблемы, в том числе экологического характера. Конец XIX века ознаменован появлением концепции «города-сада», основные положения которой изложены в книге Э. Говарда «Города-сады завтра» (1898, 1902). В рамках данного направления мегаполисы рассматриваются как источники всех бед цивилизации; предпочтение отдается расположенным недалеко от больших городов общинам до 30 тыс. человек. Идея «города-сада», рассчитанного как на промышленное, так и на сельскохозяйственное производство, завоевала множество сторонников, в том числе и в России.

Еще до 1917 года ее пытался воплотить в жизнь русский архитектор В.Н. Семенов. Проведя несколько лет в Европе, посетив Францию, Германию, Австрию, архитектор познакомился с но-

выми градостроительными концепциями, принял участие в планировке и застройке первого города-сада в Великобритании Летчуорта.

Подготовленная за годы жизни в Лондоне книга В.Н. Семенова «Благоустройство городов» (1912) стала первым вышедшим на русском языке трудом по градостроительству, в котором рассматривались передовые идеи устройства «идеальных» городов применительно к российской действительности. В.Н. Семенов считал, что назрела необходимость разработки концепции русского города, соответствующего климатическим особенностям и национальному характеру. Автором затрагивались также социальные проблемы, такие как земельная спекуляция и принудительное отчуждение земель, наносившие ощутимый вред градостроительству в России.

В 1913 году В.Н. Семенов предпринял попытку воплощения своих градостроительных принципов, создав совместно с А.И. Тамановым проект поселка для служащих Московско-Казанской железной дороги у ст. Прозоровская (бывш. ст. Раменская). Проект был задуман в ознаменование 50-летия основания этой дороги. В основу проекта легли многие идеи, высказанные Э. Говардом и переработанные для российской действительности: создание муниципального центра; комплекс общественных учреждений (вокзал, церковь, больница, театр, банк, библиотека, школьный городок, детские сады и пр.); улицы – транспортные артерии разного значения; система внутренних парков, непосредственно связанная с полосой свободных земель: лесами и полями; разнообразие жилой застройки и др. Этот поселок был объявлен эталонным для строительства поселений-садов на

средства железных дорог. Но, к сожалению, начало строительства поселка совпало с началом Первой мировой войны, работы были прекращены, несколько раз частично возобновлялись, но в разное время и разными ведомствами, поэтому полностью воплотить свой замысел В.Н. Семенову не удалось.

Послереволюционное время принесло с собой ощущение творческой свободы. На глазах рождалось новое общество, основанное на Равенстве, Братстве, Справедливости, воплощались в жизнь идеи классических социальных утопий. В этом великом эксперименте архитектура вышла на передний край идеологической борьбы. Предлагались самые невероятные и фантастические проекты.

В докладе «Утопические концепции в архитектуре и градостроительстве советской и постсоветской Москвы» А. Левицкая констатирует: «В советской и постсоветской Москве связи между социальным контекстом и архитектурой города считаются отчетливее, чем где-либо еще, а период с 1917 по 2010 год – и во все один из ярчайших примеров действия этих причинно-следственных связей. Именно он обозначил границы исследования. За этот период мы стали свидетелями пяти социальных утопий, породивших удивительные явления, такие как архитектура коллективизма (1917-1930), пролетарский классицизм (1932-1955), хрущёвский минимализм (1959-1985), «бумажный» индивидуализм (1982-1991) и московский декоративизм (1991-2010). Каждому соответствует свой временной отрезок, свой лидер, свой неповторимый замысел» [8].

Представляется, что каждый из этих периодов заслуживает обстоятельного изучения, в рамках данной статьи мы

лишь обозначаем некоторые основные вехи развития утопической мысли применительно к архитектуре в России.

Таким образом, можно констатировать, что утопические представления основываются на глубинных слоях человеческой психики и носят архетипический характер. Они характерны для всех культур в той или иной степени. Российские архитектурные утопии теснейшим образом связаны с социальными процессами, обусловившими развитие европейской культуры в целом. Поиск идеала, в том числе и в обустройстве общественной жизни, представляется общим свойством западной культуры. Ее экстравертность проявляется в стремлении человека усовершенствовать мир вокруг себя, ломая при этом все, что представляется устаревшим, отжившим. Рационализм европейской культуры предполагает приоритет разума, логического мышления, продуманности и расчета в помыслах и действиях, а, следовательно, возможности построения общества гармонии, основанного на рациональных началах. Этим обусловлены многочисленные разнообразные концепции переустройства общественной и социальной жизни, широко распространенные в европейской философской мысли. Поскольку именно город чаще всего является идеальным для преобразования пространством, архитектурной утопии отведена особая роль: воплотить утопию социальную. Российская история предоставила отечественным архитекторам возможность внести свою, довольно значимую лепту в этот процесс.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Роль коллективного бессознательного в истории // Известия

Юго-Западного государственного университета. 2015. № 2(59). С. 110-125.

2. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. №2. С. 100-118.

3. Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе. М.: Наследие, 1999. 206 с.

4. Алексашина, В.В. Идеальный город в контексте философии, экологии, архитектуры // Academia. Архитектура и строительство. 2008. №3. URL: <http://www.stroymusey.ru/journal/idealcity.php>

5. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 373 с.

6. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура: Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. М.: Архитектура-С, 2004. 400 с.

7. Улыбышев А.Д. Сон // Русская литературная утопия. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 87-91.

8. Левицкая А. Утопические концепции в архитектуре и градостроительстве советской и постсоветской Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <http://archsovet.msk.ru/archguide>

9. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Рос. Акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства; сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. 490 с.

10. Бархин М.Г. Архитектура и город. Проблемы развития советского зодчества / Акад. наук СССР, Всесоюз. науч.-исслед. ин-т искусствознания М-ва культуры СССР; отв. ред. В.Е. Быков. М.: Наука, 1979. 221 с.

Поступила в редакцию 19.06.17

UDC 72.01

M.M. Zvjagintseva, Candidate of Culture Studies, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (m_zvjagintseva@front.ru)

UTOPIIC IDEAS IN RUSSIAN ARCHTECTURE IN CULTURAL ASPECT

Utopia is one of the most stable archetypical cultural concepts because it reflects the mankind's desire to improve their world, find a better way of social organization and return to the paradise lost. The idea of the "general welfare domain" had been present in myths and religions of different peoples long before the term "Utopia" appeared as such. Utopian ideals were extremely typical of the European culture due to its extroversion and the aspiration for a more rational existence.

Utopia demonstrates a number of very typical features including commonality, special isolation, timelessness (absence of historical times), autarchy (self-sufficiency, independence from the outer world, etc. including the separation from people), urbanism, regimentation and globality.

Since XVI-XVII centuries the image of an ideal society has shaped as a city on an island. As a city quite often looks like an ideally transformable space, architectural Utopia plays a very specific role: it personifies the social Utopia.

City-planning interpretation of Thomas Moor's ideas presented a big interest for his contemporaries. Later there were many projects of "ideal" cities that were developed by Italian Renaissance architects. The XVIII century was marked by the appearance of Utopian socialist philosophy. A part of its supporters used to think that metropolitan cities could make a sound foundation for the development of industrial civilization, others advocated the networks of small independent communities.

In Russia the first belletristic Utopias appeared in the XVIII century. They continued West-European traditions and preserved all traits of a classical Utopia, however, they acquired national color. All of them pictured an ideal future society that was embodied in new city types.

Russian architectural Utopias are closely connected with social processes that predetermined the development of European culture in general. National Utopian architecture had its prime time after the revolution when architects got opportunities to implement their bold ideas

Key words: Utopia, Utopian architecture, "paper architecture".

DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-4-32-38

For citation: Zvjagintseva M.M. Utopic Ideas in Russian Architecture in Cultural Aspect. Proceedings of the Southwest State University, 2017, vol. 21, no. 4(73), pp. 32-38 (in Russ.).

Reference

1. Antonjan Ju.M. Rol' kollektivno-go bessoznatel'nogo v istorii. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2(59), pp. 110-125.

2. Trubeckoj E.N. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke. *Literaturnaja ucheba*, 1990, no. 2, pp. 100-118.

3. Ainsa F. Rekonstrukcija utopii: Jesse. M.: Nasledie, 1999. 206 p.

4. Aleksashina, V.V. Ideal'nyj gorod v kontekste filosofii, jekologii, arhitektury. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo*, 2008, no. 3. URL: <http://www.stroymusey.ru/journal/idealcity.php>

5. Hazanova V.Je. Sovetskaja arhitektura pervoj pjatiletki: Problemy goroda budushhego. M.: Nauka, 1980. 373 p.

6. Ikonnikov A.V. Utopicheskoe myshlenie i arhitektura: Social'nye, mirovozzrench-

eskie i ideologicheskie tendencii v razvitanii arhitektury. M.: Arhitektura-S, 2004. 400 p.

7. Ulybyshev A.D. Son. Russkaja literaturnaja utopija. M.: Izd-vo MGU, 1986, pp. 87-91.

8. Levickaja A. Utopicheskie koncepcii v arhitekture i gradostroitel'stve sovetskoj i postsovetskoj Moskvy [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://archsovet.msk.ru/archguide>

9. Arhitektura stalinskoj jepohi. Opyt istoricheskogo osmyslenija / Ros. Akad. arhitektury i stroit. nauk, Nauch.-issled. in-t teorii i istorii arhitektury i gradostroitel'stva; sost. i otv. red. Ju.L. Kosenkova. M.: KomKniga, 2010. 490 p.

10. Barhin M.G. Arhitektura i gorod. Problemy razvitanija sovetskogo zodchestva / Akad. nauk SSSR, Vsesojuz. nauch.-issled. in-t iskusstvoznaniya M-va kul'tury SSSR; otv. red. V.E. Bykov. M.: Nauka, 1979. 221 p.